

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС КОНЦА 1920-х ГОДОВ В АФГАНИСТАНЕ И ПАДЕНИЕ РЕЖИМА АМАНУЛЛА-ХАНА

Целью данной статьи является анализ причин социально-политического кризиса конца 1920-х гг., приведшего к падению прогрессивного по своей сути режима Аманулла-хана, а затем к гражданской войне – первой такого рода на Востоке. Определяется роль самого монарха в неудаче его реформаторского эксперимента, а также влияние других – внутренних и внешних (британского, советского, турецкого и пр.) факторов на ход и исход афганских событий рубежа 1920-х–1930-х гг., во многом определивших установление власти авторитарно-олигархического клана Надир-хана и его братьев.

Ключевые слова: реформы, кризис, «инкилаб» («революция»), Аманулла-хан.

Пришедший к власти в Афганистане в результате убийства эмира Хабибулла-хана (февраль 1919 г.) его сын Аманулла-хан оказался одной из самых противоречивых фигур новейшей истории этой страны. Будучи сторонником и инициатором радикальных реформ, он выступал и с панисламистскими проектами, предусматривавшими создание центрально-азиатской конфедерации, включающей, помимо самого Афганистана, обширные территории бывшей Российской империи. Но одной из главных ошибок монарха-реформатора, связанных главным образом с внутренней политикой, стало игнорирование тогдашнего состояния афганского общества, а также отсутствие команды сторонников, способных претворить его идеи в жизнь. Вернее, они были – прогрессивно настроенные младоафганцы, с которыми Аманулла поддерживал связи с момента возникновения этого движения в первое десятилетие XX в., – но новый правитель предпочел действовать авторитарными методами и при этом пытался балансировать между прогрессистами и консерваторами. Такая линия привела к нарастанию противоречий в афганском обществе и государстве – уже в середине 1920-х гг. в Афганистане произошло несколько выступлений против центральной власти (восстания в Хосте и Шугнани). Они не ставили под сомнение генеральную линию Аманулла-хана и его реформаторский курс, но продемонстрировали слабость государственной машины «аманистского» режима и его неспособность выработать адекватную тактику и алгоритм реформ, избежать крайностей модернизации афганского традиционного общества. В данной статье на основе оригинальных документов из отечественных и зарубежных архивов воспроизводятся и анализируются обстоятельства глубокого социально-политического кризиса в Афганистане, прервавшего смелый реформаторский эксперимент Аманулла-хана и приведшего к установлению власти умеренной семейно-олигархической группировки Надир-хана и его братьев. Эта политическая неудача стала в определенном смысле точкой отсчета многих противоречий афганского общества и государства, предельно обострившихся уже в последней трети XX – начале XXI вв., что делает данный исторический сюжет научно и политически актуальным, особенно в свете попыток самих афганских авторов списать все беды Афганистана на внешние силы.

Негативные черты государственно-политической жизни Афганистана особенно ощутимо проявились к концу 1920-х гг., когда Аманулла-хан, возвратившийся летом 1928 г. из многомесячной зарубежной поездки, развернул очередную, оказавшуюся роковой, серию реформ.

Чтобы не выглядеть автократом, король в рамках чрезвычайной Лоя-джирги (собрания светских и религиозных авторитетов всей страны) организовал подобие общественных слушаний проекта реформ, а потом и их утверждение. Накануне заседаний джирги он даже встретился с группой лучших учащихся столичных школ и доверительно сообщил им о своих планах, подарив каждому по памятной золотой монетке [Anwar, 1981. P. 96].

Свыше 1 тыс. делегатов, собранных со всей страны, под давлением Амануллы приняли целый ряд законов и постановлений (об учреждении Народного совета, равнозначного парламенту, о введении обязательной воинской повинности, новые уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, закон о престолонаследии и пр.), существенно менявших дух и букву законодательства прежних лет, включая конституцию. Российский наблюдатель отмечал: «Не все положения этого нового основного закона правительство успело отпечатать до вспыхнувшей вскоре гражданской войны. Многие остались в черновиках и заметках. Но, во всяком случае, фактически 2 сентября 1928 г. Афганистану была дана взамен основных законов 1923 г. *новая конституция* (курсив наш. – В. Б.)» [Лавров, 1935. С. 183].

Однако новые законы только обострили социально-экономический и политический кризис, возникший в Афганистане к концу 1920-х гг. Его причинами были самоуправство и грубейшие просчеты центральных и местных властей, усугубляемые массовым взяточничеством чиновничества, непосильные налоги, введение повинностей, неприемлемых для определенных категорий населения (обязательной воинской повинности для кочевников)¹.

Не создав себе прочной социальной опоры и административно-политического механизма управления страной, монарх-реформатор мало занимался военным строительством. На начальном этапе его правления подготовка армии была поручена турецким офицерам – большая группа их во главе с Джемаль-пашой – членом правящего триумвирата Османской империи времен Первой мировой войны, бывшим морским министром и командующим армией этого распавшегося государства, – находилась в Кабуле. Сам Джемаль-паша был назначен генерал-инспектором афганской армии и в значительной степени помог ее реорганизации. По данным британской разведки, «он имел доступ к большевистским средствам в обход Сурица (в начале 1920-х гг. полпреда РСФСР в Афганистане. – В. Б.)» [Afghanistan Strategic..., 2002. Vol. 1. P. 255]. О степени военно-технической вооруженности афганской армии накануне падения режима Аманулла-хана свидетельствуют данные из досье зам. начальника генерального штаба англо-индийской армии генерала У. Кирке: ВВС состояли из примерно 30 самолетов различных типов («Юнкерсов» и др.), большинство из которых были непригодными, в таком же состоянии была и большая часть артиллерийских орудий, давно отслуживших свой срок, хотя король во время зарубежного тура приобрел множество новых (во Франции, Италии и пр.), а около 80 получил в дар, хотя он не торопился принять аналогичный британский подарок (18 пушек). Команда Амануллы через французское агентство закупила и 50 тыс. ружей, хотя в Афганистане уже насчитывалось около 120 тыс. ружей – гораздо больше, чем требовалось для регулярной армии, но достаточно для массового вооружения племенных ополчений. В арсенале афганской армии было также 2 броневедомола и 5 французских танков, столько же мортир, в дополнение к имеющимся 8, хотя большая их часть была не на ходу².

Проекты создания образцовых частей при помощи иностранных (сначала турецких, а потом, в незначительных масштабах – германских, итальянских и пр.) инструкторов и другие нововведения не изменили сути и природы афганской армии, не возымели эффекта и советские военно-технические поставки – оружие приходило в негодность из-за отсутствия опытных специалистов, а предложения об их подготовке при помощи советских инструкторов чаще всего отвергались.

Провокационный эффект произвели реформы в сфере быта и образования: отмена калыма при заключении брака, возможность бракосочетания только после получения среднего образования, введение всеобщего начального обучения, совместное обучение мальчиков и девочек 6–11 лет, отправка молодежи (в том числе девушек) для учебы за границу и пр. Планировалось учреждение специальных школ для подготовки специалистов по ковроткачеству,

¹ АВП РФ. Ф. Референтура по Афганистану. Оп. 11. Поп. 67. Папка 151. Л. 11.

² British library, India Office Private papers, Mss Eur E 396/14, 1928.

врачей и медсестер, полицейских, музыкантов, для обучения взрослых женщин основам домашнего хозяйства и гигиены. Аманулла-хан даже заявил, что расходы на образование будут вторым по важности приоритетом в государственном бюджете [Afghanistan Strategic..., 2002. Vol. 2. P. 910].

Мусульманское духовенство мобилизовало против реформаторов значительную часть населения, уставшего от зачастую бесплодных и дорогостоящих экспериментов. Беспокойство проявляла и сикхская община, хотя по другим, скорее культурно-религиозным причинам. Серьезные претензии к королю имелись у аристократии (сардарства), в массе своей медленно перестраивавшейся на новые формы хозяйственной и политической жизни. Его современник и один из активных участников младоафганского движения Абдул Гани пишет: «Анализируя жизненный путь Амануллы, причины последней революции в Афганистане можно свести к одной фразе, а именно: Аманулла сам был единственной причиной революции против себя самого. Его цель построить “современную Европу” вопреки религии в стране, подобной Афганистану, была неверна по самой своей сути. Пытаясь создать новую структуру, он разрушил старую, но как неопытный инженер, он тем самым уничтожил и себя самого» [Ghani, 1989. P. 747].

Экономические неурядицы усилили маргинализацию беднейших слоев населения Афганистана и, как следствие – бродяжничество, бандитизм. Особенно беспокойно было в Восточной провинции, где летом 1928 г. племя шинвари подняло восстание против новых мер правительства (повышение налогов, всеобщей воинской повинности и пр.), хотя непосредственным поводом для конфликта восточных пуштунов с властями стала коррупция чиновников. Предводители шинвари возложили ответственность за беспорядки и взяточничество на власти и выступили против них с оружием в руках [James, 1935. P. 217].

Аманулла бросил на успокоение шинвари Гулам Сиддика, пользовавшегося, по наследству от своего отца, командующего армией во времена эмира Абдурахмана, влиянием в восточных провинциях. Но «план мира» не удался – шинвари выдвинули заведомо неприемлемые условия (высылка из страны семьи М. Тарзи, включая его дочь, королеву Сорайю, с обязательным разводом с Амануллой, а также турецких военных инструкторов), и наступил черед бомбардировок – безрезультатную услугу королю оказали российские пилоты³.

Следует отметить, что в разгар кризиса конца 1920-х гг. афганский король и его окружение стремились получить поддержку из разных, прежде всего западных, источников. На исходе осени 1928 г. амануллисты начали настоящее дипломатическое наступление на британском и германском направлениях. Целью их усилий было получение финансовой и военной помощи и заключение нового англо-афганского договора. Английской стороне было предложено повысить статус представительства до уровня посольства (к тому моменту в Кабуле находились только посольства Турции и СССР, остальные дипломатические миссии имели более низкий статус). Столь же активно обсуждались вопросы создания торговых и почтовых авиалиний при содействии германской компании «Юнкерс», которые должны были связать основные города Афганистана с сопредельными странами (Ираном, СССР, Британской Индией).

Вопрос о новом англо-афганском договоре оказался более сложным – если афганская сторона в стесненных социально-политических условиях рассчитывала на заключение принципиально нового договора *о дружбе*, то англичане, разочарованные реформаторскими экспериментами Амануллы и зигзагами его внешней политики, были настроены лишь на соглашение *добрососедского* характера⁴. Запоздалые дипломатические усилия, имевшие военно-политическую и экономическую подоплеку, не увенчались успехом, – возможно, потому, что серьезная ставка делалась на англичан, не простивших Аманулле войны 1919 г. и договора 1921 г., юридически закрепивших суверенитет Афганистана. К тому же английская дипломатия и политические круги с начала летне-осеннего кризиса 1928 г. уже не рассматривали его в качестве серьезного партнера – многолика опозиция, не имея собственных ярко выраженных лидеров, могла остановиться на кандидатуре старшего брата

³ The National archives of the UK (NA), CAB/24/199 Afghanistan. Rebellion of the Tribes of Eastern Afghanistan, telegram from the British Minister in Kabul, 16th December 1928.

⁴ NA, CAB/24/199Afghanistan. Sir F. Humphrys to Lord Cushendun. Kabul, October 31, 1928.

Амануллы, принца Инаятуллы. Характерно, что уже в середине декабря 1928 г. в качестве потенциальных политических конкурентов короля упоминались бывший военный министр и посол в Париже Надир-хан и его братья, поспешившие заявить о намерении вернуться из Европы на родину⁵.

Между тем Афганистан стремительно погружался в хаос – другим очагом общественных беспорядков, помимо Восточной провинции, населенной пуштунами, стал север Кабульской области, где большую популярность приобрел предводитель одной из повстанческих групп Хабибулла, по прозвищу Бачаи Сакао («сын водоноса»). Глава кабульского муниципалитета Ахмад Али Джан, имевший большой опыт работы и влияние в этой области, был назначен главным администратором северных районов и Кухистана – ему было поручено навести здесь порядок, нейтрализовать и захватить Бачаи Сакао. Но задача разоружить Кухистан и арестовать популярного здесь мятежника оказалась невыполнимой – местные авторитеты, с которыми встречался Ахмад Али, настаивали на примирении правительства с Бачаи Сакао, что и пришлось сделать властям, поглощенным мятежом на востоке страны. Условия мирного соглашения сторон, подписанного на Коране, предусматривали предоставление людям Бачаи Сакао оружия (100 магазинных ружей и пр.), ежегодного денежного содержания по 3 тыс. рупий самому ему и его ближайшему сподвижнику Сеиду Хусейну, а также ежемесячной выплаты по 30 рупий каждому члену его группы [Ghani, 1989. P. 707–708]. Эти расходы были даже внесены в бюджет текущего года.

Но усилия властей и их представителя Ахмада Али потерпели неудачу: мятежники, возбуждаемые духовным лидером Ахундзада Тагаби, не скрывали своего враждебного отношения к Аманулле, в декабре на собрании мулл и влиятельных лиц Кухистана Бачаи Сакао был провозглашен эмиром и двинулся на захват столицы, по пути пополняя свои ряды беглыми солдатами, насильно призванными в правительственную армию. Четырнадцатого декабря 1928 г. это пестрое воинство вплотную приблизилось к Кабулу. Спротивление ему оказала лишь горстка курсантов военной школы во главе с экс-регентом М. Вали-ханом и военным министром Абдул Азиз-ханом. Военное ведомство, не надеясь на регулярные части, распорядилось раздать оружие населению столицы, линия обороны отодвинулась уже к крепости Арк. Были мобилизованы даже учащиеся лицеев и школ – по воспоминаниям одного из них, М. Анвара, защита столицы и режима в целом была организована крайне неудовлетворительно – не были использованы выгодные позиции на господствующих высотах и в зданиях, поскольку в военных действиях с обеих сторон участвовали гражданские лица, оборонявшиеся нередко стреляли по своим [Anwar, 1981. P. 95].

Целую неделю гремели орудия оборонявшихся (шрапнелью одного из них был ранен и сам Бачаи Сакао), еще летал над позициями осаждавших самолет, бесцельно сбрасывая бомбы [Waker, 1975. P. 69–70], но было ясно, что дни режима сочтены. Отчаявшийся король обратился к согражданам с последней речью, призывая их защитить и сохранить мир в стране. Запоздалые обещания короля уделять особое внимание армии уже не имели действия, его самооправдания и лозунги лишь раздражали толпу, и он удалился, осыпаясь обвинениями и жалобами кабульцев. В этот момент еще один, пока моральный, но сильный удар по режиму был нанесен муллами Кандагара. Они потребовали от короля развода с женой, высылки из Афганистана Махмуд-бека Тарзи и даже его собственной отставки. Некоторые из требований повстанцев были приняты – Аманулла 7 января 1929 г. отменил большинство своих реформ, но атаки на столицу лишь усилились, и вскоре отряд, ведомый братом Бачаи Сакао Хамидуллою, приблизился к Кабулу.

Четырнадцатого января принц Инаятулла, брат короля, зачитал заявление Аманулла-хана об отречении от трона и передаче всей власти ему, Инаятулле. Сам бывший монарх тем же утром покинул столицу, чтобы воссоединиться со своей семьей и последователями. Но предводитель повстанцев отверг кандидатуру Инаятулла-хана как правителя страны. К вечеру 18 января стали разбегаться последние защитники афганской столицы – сторонники Амануллы, а к заходу солнца была окружена и крепость Арк, где укрывался Инаятулла-хан со своим окружением. Осажденные в Арке направили к Бачаи Сакао делегацию, и было достигнуто

⁵ NA, CAB/24/199 Afghanistan. Rebellion of the Tribes of Eastern Afghanistan. Memorandum by Peel, 17th December 1928.

соглашение, что Инаятулла-хан вылетит на британском самолете в Индию. Вскоре Бачаи Сакао вошел в Арк, а его сторонники, несмотря на утрашения и запреты, принялись грабить столицу. «Эра Аmani» закончилась.

Итак, к концу 1920-х гг. Афганистан становится одним из самых нестабильных государств Востока: новый правитель Аманулла-хан, сумевший в 1919 г. восстановить полную независимость страны, в дальнейшем своими поспешными и непродуманными реформами завел ее в тупик. Сказались и социально-политическая отсталость традиционного афганского общества, ограниченность его внутренних и внешних ресурсов, недостаточная поддержка реформ со стороны немногочисленных новых социальных слоев. Пагубную роль сыграла чрезвычайная амбициозность и другие личные качества самого Аманулла-хана, помешавшие ему выработать адекватную тактику буржуазно-либеральных преобразований в Афганистане и оптимально выстроить деловые и личные отношения со своим ближайшим окружением, а также отношение к своему народу, ради которого он и начинал беспрецедентные для своей страны, а в чем-то – и для всего Востока реформы.

Исследователи до сих пор испытывают затруднения, пытаясь определить самые характерные черты человеческого облика и политического стиля Аманулла-хана. Один из самых основательных экспертов этого периода афганской истории, американский дипломат и востоковед Л. Пуллада заметил, что Аманулла был «демократическим тираном»: он был демократом по убеждению, но постоянно попадал в ситуации, когда решить исход дела могли лишь деспотические приемы [Poullada, 1973. P. 65]. В целом же, как полагал Л. Пуллада, обстоятельства юности и связанная с ними ранняя англофобия, другие последствия либерально-националистического воспитания, личные качества монарха-реформатора (тип, безусловно, новый и необычный на политическом небосклоне Афганистана и даже всего Востока) не только вызвали к жизни феномен афганской монархической «революции» 1920-х гг., но и ее провал, а потом серию гражданских войн и этнополитических конфликтов, едва затихших лишь к середине 1930-х гг.

Падению этого режима способствовали и внешние факторы. Хотя Аманулла-хан сумел приобрести авторитет борца против колониализма, он не смог трансформировать его в реальную политическую и иную поддержку, даже в Азии, где только набирали силу национальные движения. Самая влиятельная на тот момент политическая партия Британской Индии, Индийский национальный конгресс, и ее лидеры, прежде всего Дж. Неру, «с глубокой озабоченностью следили за событиями в Афганистане и испытывали глубокую симпатию к его храброму королю» [Prasad, 1960. P. 75], рабочий комитет ИНК желал успехов прогрессивным элементам соседнего государства, но эти пожелания не сбылись.

Аманулла-хан и его окружение интересовались зарубежной практикой преобразований, но все же не смогли творчески использовать опыт реформ, осуществляемых в тот же период в других странах Востока – Турции и Иране, как и адресно использовать прямую, в частности, турецкую, помощь (в военной, образовательной сферах).

Неоднозначно повлиял на судьбу реформаторского эксперимента Аманулла-хана британский фактор – хотя общим местом многих работ по Афганистану (особенно подготовленных в рамках советской историографии) стало утверждение о происках и даже ответственности Великобритании за провал реформ и последующие внутриафганские конфликты, включая гражданскую войну 1929 г. Разнообразные документы свидетельствуют о сбалансированности британской политики на афганском направлении на протяжении многих десятилетий. На этом направлении работали высококвалифицированные специалисты, владевшие основными афганскими и другими восточными языками, они хорошо знали Афганистан и сопредельные области. Сотрудники британской миссии в Кабуле уверенно проводили линию своей страны, но при этом учитывали интересы и Афганистана, его объективные потребности в прогрессе, хотя и не одобряли курс на ускоренную модернизацию⁶. Над ними, как и над их афганскими партнерами, довлел синдром войны 1919 г., но ни Аманулла-хан, ни британская сторона с ее многоликим имперским и внешнеполитическим аппаратом (власти Британской Индии, «ос-

⁶ The British library, India Office Private papers, Mss Eur F223/79.

новой» МИД и пр.) не отказывались от сотрудничества на оперативном и долговременном уровне – на протяжении всех межвоенных лет в числе традиционно обсуждаемых тем была тема договора о дружбе, военной и экономической помощи. Однако линией раздела оставался вопрос о границе и статусе пуштунских племен в индо-афганском приграничье – англичане держали здесь значительные силы, много экспериментировали с политико-административным устройством зоны племен и вели интенсивную разведку в самом Афганистане. Афганская сторона была хорошо осведомлена об этом и постоянно обвиняла соседей в нарушениях ее суверенитета, хотя и сама не бездействовала по обе стороны границы. Выражением латентного конфликта и подозрений во вмешательстве Великобритании в дела Афганистана стал инцидент с удалением 8 января 1929 г. из зоны племен «авиамеханика Шоу» – знаменитого разведчика Т. Лоуренса («Аравийского»), к тому времени фактически отошедшего от дел [Baker, 1975. P. 117–120].

Еще более противоречиво в афганских делах проявилась роль России / СССР: в межгосударственных отношениях стран-соседей так и не была достигнута доверительность союзнического уровня, Аманулла до конца своего правления оставался для советской стороны трудным партнером, да и сама по себе афганская ситуация объективно содержала целый ряд головоломок социально-политического, экономического и даже военного характера⁷. Их правильному решению препятствовали сохранявшиеся на протяжении 1920-х гг. расхождения в подходах и методах различных ведомств и структур, напрямую или косвенно связанных с проведением советской политики на Востоке и конкретно в Афганистане. Так, НКВД, особенно его центральный аппарат, последовательно проводил линию государственной поддержки кабульского режима образца 1919 – начала 1929 г., советские силовые ведомства, и прежде всего разведка, лучше представлявшие себе истинное положение дел в Афганистане, готовились к альтернативным сценариям развития ситуации в этой стране [Grobba, 1967]. Конституционно-монархический по форме и авторитарно-реформаторский по сути режим Аманулла-хана не вписывался и в авантюристические схемы Коминтерна, лишившегося к концу 1920-х гг. последних атрибутов международного штаба мировой революции. В раскладах Коминтерна, к этому времени – второразрядного политико-пропагандистского и аналитического института в международно-политической инфраструктуре левого радикализма, Афганистану предназначались «опережающие» роли, мало связанные с реальной логикой его развития. Как видные теоретики Коминтерна, так и его низшее звено, готовившее и проводившее в жизнь решения этой организации, сочли эру Амануллы пройденным этапом и даже подвергли критике его курс. «Уделом его политики было лавирование между разрастающимся крестьянским движением... или капитуляция (через ряд ступеней постоянного скатывания) перед империализмом, что ведет к потере независимости и превращению Афганистана в антисоветский форпост или к свержению под напором стихийного недовольства разоряющегося крестьянства», – писал вдогонку афганским событиям конца 1920-х гг. Р. Ульяновский [1930. С. 200–201], тогда – один из молодых аналитиков Коминтерна, а позднее – один из главных теоретиков советской внешней политики в этом районе мира.

Социально-политический кризис конца 1920-х гг. не только нарушил поступательное развитие Афганистана, восстановившего свой суверенитет в ходе третьей англо-афганской войны 1919 г., но и внес серьезный сбой в процессы формирования его (преимущественно пуштунской) элиты – впервые после проекта централизации страны, осуществленного в конце XIX в. эмиром Абдуррахманом, она раскололась на несколько группировок, и этот раскол не удалось преодолеть даже последующим поколениям политически активных сил. Фигура Аманулла-хана – одного из выдающихся политических лидеров новейшего времени – заслуживает дальнейшего исследования и как символ первого рывка Афганистана к прогрессу, и как знак серьезной неудачи, до сих пор не преодоленной в политической культуре и политическом сознании одной из самых неблагополучных стран Востока.

⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 243. Л. 166.

Список литературы

Лавров Н. Афганская конституция // Материалы по национально-колониальным проблемам. НИАНКП. М., 1935. № 5. С. 176–193.

Ульяновский Р. Рец. на: Соколов-Страхов А. Гражданская война в Афганистане. М.; Л., 1930 // Аграрные проблемы. Кн. 1–2. М., МАИ. 1931. С. 200–201

Afghanistan Strategic Intelligence: British Records 1919–1970 / Ed. by Anita L. P. Burdett. Slough: Archive Editions, 2002. Vol. 1, 2.

Anwar M. H. Memories of Afghanistan. Carlton Press, N.Y., 1981. 240 p.

Baker Anne and Air Chief Marshal Sir Ronald Ivelaw-Chapman. Foreword by Marshal of the RAF Sir William Dickson. Wings on Kabul. The First Airlift. William Kimber. L., 1975. 191 p.

Ghani A. A Brief Political History of Afghanistan. Lahore, 1989. 956 p.

Grobba F. Manner und Machte im Orient. 25 Jahre diplomatische Tätigkeit im Orient. Gottingen: Musterschmidt-Verlag, 1967. 339 S.

James B. Afghan Journey. Jonathan Cape, L., 1935. 285 p.

Poullada L. Reform and Rebellion in Afghanistan, 1919–1929. Ithaca [N.Y.]: Cornell Univ. Press, 1973. 318 p.

Prasad B. The Origins of Indian Foreign Policy. The Indian National Congress and World Affairs, 1885–1947. Calcutta: Bookland Private Limited, 1960. 336 p.

Материал поступил в редколлегию 10.02.2011

Vladimir S. Boyko

**SOCIO-POLITICAL CRISIS OF LATE 1920^s IN AFGHANISTAN
AND THE FALL OF AMANULLAH-KHAN'S REGIME**

This article aims to analyze the reasons of socio-political crisis of late 1920^s in Afghanistan, resulting in the fall of basically progressive Amanullah-khan's regime, and then to civil war – the first of such kind in the East. The research underlines the role of monarch himself in failure of his reformist experiment, as well the influence of other domestic and external (British, Soviet, Turkish, etc) factors to the course and output of the Afghan developments late 1920^s-early 1930^s, which heavily determined the advent to power of authoritarian-oligarchic clan of Nadir-khan and his brothers.

Keywords: reforms, crisis, «inqilab» («revolution»), Amanullah-khan.